

Сергей Прокопьев

ПОПУТЧИЦА ПРЕЧИСТОЙ

12+

Сергей Николаевич Прокопьев

Попутчица Пречистой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56409180

SelfPub; 2020

Аннотация

Явление Божией Матери человеку – крайне редкое событие. Являлась Пречистая преподобным Серафиму Саровскому, Александру Свирскому, Сергию Радонежскому, другим святым, несколько раз являлась в 1917 году детям-пастушкам вблизи местечка Фатима в Португалии. В Великую Отечественную войну Пресвятая Богородица сошла на землю к девушке Екатерине (по молитвам её матери) и спасла ей жизнь, провела мимо лихих людей. Случилось это в Омской области. Далеко не сразу Екатерина поняла, Кто вёл её по лесной дороге, это открылось ей через много лет. И к вере пришла много позже. Жизнь милостью Божией сложилась так, что её духовными наставниками в разные годы были столпы веры: епископ Венедикт (Пляскин), игумен Борис (Храмцов), митрополит Феодосий (Процюк). В 1994 году Екатерина приняла монашеский постриг с именем Евгения. Автор на основе документов, устных свидетельств тех, кто знал монахиню, сделал попытку рассказать историю матушки Евгении средствами художественной литературы.

Содержание

Попутчица Пречистой	4
Богородица в бордовом	11
Встреча с незнакомкой	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Попутчица Пречистой На «Владимирскую»

Это случилось давно-давно, в ту страшную войну, которая четыре года гигантским магнитом стягивала к огненной линии фронта со всей огромной страны миллионы мужчин, парней, девушек. Из самых дальних мест, из всех медвежьих углов везли их на лошадях, автомобилях, пароходах к полосе железной дороги, пронизывающей страну с востока на запад. Затем под тревожный перестук колёс ехали они воевать, погибать, побеждать.

Тыл открыл свою мобилизацию – призывая деревенскую и городскую молодёжь на свои рубежи, коими были фабрики и заводы. На этом фронте жили по законам военного времени, работали по одиннадцать часов, без отпусков, зачастую без выходных. Екатерина Деревянченко трудилась швеёй в мастерской военторга города Омска. В августе 1943 года её с группой женщин отправили в район на сельхозработы. Катя обрадовалась, узнав, что повезут их в деревню Тамбовку Саргатского района. В двенадцати километрах от неё, в Новопокровке, жили родители Кати – Евфимия Захаровна и Тихон Максимович.

В то раннее утро побежит она в родную деревню и едва не угодит в руки злодеев, прятавшихся от войны в лесу. Есть

свидетельства фронтовиков – в гибельные минуты боя приходила на помощь Царица Небесная. В нашем случае Пресвятая Богородица спустилась с Небес в глубоком тылу, отвести беду от Кати Деревянченко.

Три четверти века прошлого с того дня, я стою в Тамбовской церкви в честь Владимирской иконы Божией Матери. С иконостаса смотрит на молящихся Пресвятая Богородица. Отличительной особенностью этого образа является трогательная деталь – пяточка Богомладенца.

В 1395 году непобедимый Тимур Тамерлан вторгся в русские пределы, прошёлся огнём и мечом по земле Рязанской, направляясь к Москве. Численность его войска в разы превосходила русские дружины. Великий князь Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, вышел с войском к Коломне и остановился на берегу Оки. Надеяться можно было только на помощь Божию. Великий князь отправил во Владимир духовенство за чудотворной иконой. Крестным ходом при большом стечении народа образ Владимирской Божией Матери понесли к Москве. В тот самый час, когда москвичи встречали икону, Тамерлан дремал в своём шатре и увидел во сне в лучезарном сиянии Величавую Жену в окружении небесного войска, Она повелела ему оставить пределы России. Проснувшись, спросил о значении видения, и услышал, что сияющая Жена есть Матерь Божия, Защитница христиан. Тамерлан дал приказ полкам сниматься и идти восвояси. В память об этом событии восьмого сентября установлен

праздник «Владимирской».

Шестого июля православная Русь чествует «Владимирскую» в ознаменование чуда, происшедшего в 1480 году, когда по молитвам москвичей перед чудотворным образом ордынский хан Ахмат не решился переправляться через Угру на битву с русской дружиной, повернул огромное войско обратно, не обрушил всю свою мощь на Москву. В 1521 году крымский хан Махмет-Гирей решил воевать Московию. И тоже повернул от стен Москвы, увидев небесное войско под предводительством Пресвятой Богородицы. В честь этого установлен праздник «Владимирской» третьего июня.

В каждый из этих трёх дней в Тамбовку съезжаются паломники. В праздник, о котором веду речь, было солнечно, ветрено, прохладно. Лето не торопилось с теплом. Собственно, если следовать Юлианскому календарю, по которому Русь жила более двух веков, ещё только двадцать первое мая, до лета десять дней, так что есть надежда – придёт к нам тепло. Небольшой бревенчатый храм был полон, на большом автобусе, маршрутках, приехали паломники из Омска, Саргатки, Крутинки. Литургию служил настоятель храма иеромонах Василий, а игумен Серафим, настоятель Саргатского Свято-Никольского монастыря, принимал исповедь. Ему было душно, то и дело вытирал лоб.

Я стоял в центре храма, пытаюсь сосредоточиться на службе. Труднее молиться не со своим приходом – новые люди, другие иконы. Иконостас, не могу не отметить, написан тем

же иконописцем, что и в храме в честь Ефрема Сирина, куда хожу постоянно. Архангелы Гавриил и Михаил один к одному и «Тайная вечеря» над Царскими вратами...

Боковым зрением увидел Лену. Мы на «вы», но зову Леной, так светлее звучит. Накануне вечером позвонила, предложила ехать с ней в Тамбовку, но я уже определился с транспортом, присоединился к группе паломников. Лена не появилась к началу службы, мысленно себе поаплодировал: выбрал правильный вариант поездки. Лена человек занятой, у неё могут в последний момент возникнуть непредвиденные обстоятельства, которые заставят изменить планы... Все же приехала. Потом скажет, не было ей пути. За городом на трассе навалился сон, буквально засыпала за рулём. В результате съехала на обочину и полчаса дремала за рулём.

Голова у Лены не покрыта, лёгкая косынка на шее, скорее, просто не замечает. В этом вся Лена – человек эмоциональный, экспрессивный, импульсивный. Она из женщин, рядом с которыми с первой минуты разговора понимаешь – перед тобой реактор. С таким энергетическим потенциалом бывают целительницы, экстрасенсы, маги, мошенницы всех мастей. В случае с Леной – реактор светлой энергии.

Наконец почувствовала непорядок в форме одежды, накинула на голову косынку. Поначалу стояла в южной части храма, рядом с иконой «Материнское Услышание», написанной в память о спасении Пресвятой Богородицей девушки Кати. В один момент переместилась на «женскую», северную по-

ловину. Повернул в её сторону голову и поймал взгляд Лены, энергично жестикулируя, она показывала мне в сторону алтаря. Царские врата были открыты, я не понимал, на что Лена пыталась обратить моё внимание. Пожал плечами. Лена что-то беззвучно сказала мне, стараясь движением губ донести какую-то информацию, снова я ничего не понял.

После «Отче наш», Лена обратилась к проходящему мимо неё служке, что-то сказала. Это был или послушник обители, или инок, чёрный подрясник, волосы резинкой собраны на затылке. Соглашаясь с Леной, он закивал головой, и заглянул в алтарь, приоткрыв южную дверь. Затем вернулся к Лене, пошептался с нею и снова отправился к алтарю. Зачем-то Лена снова и снова отправляла его в алтарь, самое интересное – он слушался. Занозка осуждения кольнула меня: вот-вот вынесут Святую Чашу, начнётся причащение, а Лена развела суету.

Служка вышел из алтаря, неся перед собой икону в киоте, вручил её Лене. Лена поцеловала образ, а проходя мимо меня, энергично позвала:

– Пойдёмте.

Я не причащался, можно было выйти.

Лена через церковный двор повела к своей машине.

– Помните, – начала энергично говорить по дороге, – рассказывала вам о чуде Николая Угодника, это и есть та икона, которую я в антикварном магазине купила, сплошь чёрная была...

Честно говоря, не помню.

Киот у иконы современный, сама старинная. Не могу назваться знатоком, а всё же разные типы икон Николая Чудотворца приходилось лицезреть. Подобного образа не видел ни разу. На Украине, в Николаеве, видел икону с двумя ликами Николая Мирликийского. Один иконописец, скорее, в XVIII веке, написал на доске Николая Чудотворца, через много лет второй богомаз, не мудрствуя лукаво, замалевал лик святого и нарисовал новый. Однако через десятилетия первый проявился сквозь краску. И получился один над другим.

Как оказалось, икону, постоянно хранящуюся в алтаре храма, Лена взяла не просто так, готовилась идти с ней крестным ходом. На «Владимирскую» после литургии в Тамбовке совершается традиционный крестный ход к месту, где Пресвятая Богородица в образе простой женщины явилась в 1943 году девице Екатерине, которая через полвека примет монашеский постриг с именем Евгения. К иконе Лена имеет прямое отношение. В антикварном магазине приобрела за приличные деньги практически чёрную доску. «Тебя никто не купит, – сказала Николаю Чудотворцу, – а я тебя спасу». Образ начнёт проявляться дома у Лены, после чего, в соответствии с обещанием, данным святому Николаю, Лена спешно отвезёт икону в Тамбовку, в часовню.

– Алтарная часть храма, – показывает рукой Лена, – это бывшая часовня, которую мы с матушкой Евгенией строили.

Тоже Промысел Божий. И то, как я с матушкой Евгением познакомилась, чудо. Расскажу после крестного хода.

Грешен, часть пути еду с Леной в машине.

– Будете икону держать, – дала послушание.

По-хорошему, мог бы нести образ, шагая со всеми крестоходцами, но остался в машине. Мы доехали до асфальтированной дороги, ведущей в Преображеновку, дальше на автомобиле до Поклонного креста не добраться, просёлочная дорога ещё не просохла после весеннего таяния снегов, место низкое. Дальше движемся, как истинные крестоходцы, своими ногами.

Богородица в бордовом

Многие женщины трепетно относятся к снам. Лена из их числа. Из того сна, на всю жизнь крепко запавшего в память, и ставшего поворотным в жизни, вынесла наставление: иди в храм и купи икону Божией Матери в бордовом одеянии. С Богомладенцем на руках. На то время Лена была из тех верующих, которые категорично заявляют о себе: как это я не православный человек? Крещён – да, в церковь захожу – да, свечи ставлю – да, против Бога ничего не имею, аминь. Лена, увидев сон, о котором сказано выше, помчалась в церковь за иконой. Безоговорочно поверила: образ Богоматери «в бордовом одеянии» должен быть в её доме. Было тогда Лене чуть более двадцати, жила на набережной Иртыша, ближайшая церковь – Никольский Казачий собор.

О покупке иконы лучше самой Лены не расскажешь.

«Влетаю в собор, – с удовольствием начинает рисовать сцену в храме, – церковная лавка находилась прямо в притворе, – прошу:

– Дайте Богородицу в бордовом одеянии.

Продавец, женщина в возрасте, на меня смотрит с удивлением – откуда такая моторная взялась?

– У нас, – говорит строгим тоном, – все Пресвятые Богородицы в бордовом! Вы точнее можете сказать, какая нужна? Или вам всё равно?

Глаза поднимаю, сейчас в иконах Богородиц хорошо разбираюсь, отличаю «Знаменскую» от «Умиление» или «Путеводительницы» – тогда ни малейшего представления. Стоят на полках с десятков икон Богородиц, все как одна в бордовом одеянии.

Расстроилась. Казалось бы – бери любую, да и дело с концом. Но я понимаю, мне нужна не любая, мне нужна своя. Значит, должна каким-то образом распознать её среди всего многообразия. Продавец не просто стоит, начинает помогать мне, умеет работать с покупателем:

– Перед «Неупиваемой Чашей» молятся с просьбой избавиться от страсти пьянства...

– При чём здесь пьянство? – я даже обиделась. – Я что, по-вашему, алкоголик?

– Или наркомании, – продолжает она, будто и не слышит меня. – Может, родственники ваши страдают этой пагубной страстью. Мало ли что бывает!

– Никто не страдает!

Меня задело, что начала с пьянства.

Начинаю нервничать, а она гнёт своё:

– Или вам нужна «Скорбящая о младенцах во чреве убиенных»?

– Это зачем? – спрашиваю с наездом. Жду подвоха.

– Аборт, к примеру, сделали, – с раздражением говорит, – покаяться хотите.

Её понять можно, ураганом налетела особа с квадратными

глазами, мало того – губы накрашены, глаза подведены – ей вынь да положи Богородицу в бордовом одеянии, какую сама не знает.

– Да ничего я не делала, – грешу против истины...»

Эту картину Лена рисует с большой долей самоиронии. Вот, дескать, какая была непроходимо тёмная. Образ «Казанской» не могла отличить от «Владимирской», «Путеводительницу» от «Умиления» или «Знамения».

В процессе эмоционального диалога с продавцом церковной лавки Лене пришло вразумление: заглянуть в православный календарь.

– Простите, – сбавила накал эмоций, обращаясь к продавцу, – можно посмотреть православный календарь?

Продавец не принадлежала в полной мере к типу церковных женщин, любящих поучать, наставлять, одёргивать новоначальных, да и вообще всех, проходящих в храм, тем не менее экспрессивность Лены её коробила. Считала, и правильно делала, раз ты пришёл в храм, держи себя строго.

В толстой книге церковного календаря Лена быстро отыскала нужную страницу и хлопнула восторженно по ней ладонью:

– Вот смотрите: шестое июля – день празднования Владимирской иконы Божией Матери. Я родилась шестого июля. Значит, мне нужна эта самая икона!

Женщина молча достала образок величиной в два спичечных коробка.

– Больше нет? – разочарованно спросила Лена. – Карманная какая-то!

– Возьмите «Казанскую», – если вам надо в бордовом мафории и большая. Полуметровая есть! В красивом окладе. Но дорогая!

– Это не имеет значения, дело не в цене! Я же сказала, у меня шестого июля день рождения!

– Тогда, конечно, – не без иронии сказала продавец.

Так в доме у Лены появилась икона Владимирской Божией Матери. Но не более того, только и всего по данному факту – появилась. Лена выполнила наставление сна и тут же про образ забыла. Ни разу не помолилась перед ним. Да и не знала, что для этой иконы есть свои молитвы.

Вспомнила об иконе, когда совсем плохо стало.

Юность Лены совпала с воцарением свободы торговли, ураганный шквал которой наблюдался в последнее десятилетие XX века. Одним семейным боком Лена относилась к купеческому сословию – по материнской линии были в родове купцы из крестьян. Предпринимательские гены рано взыграли в крови Лены: в семнадцать лет встала за прилавок. А вскоре пришла к мысли: «И что это я на дядю горбачусь?» Сколько мы знаем бесплодных мечтателей, вздыхающих, сидя в мягком кресле, эх, кабы мне предоставили условия, я бы развернулся во всю ширь, показал, как вести дело! Лена рассиживаться не стала, сразу перешла к решительным действиям. Включились купеческие гены, доставшиеся от ма-

тери, пролетарская энергия, присущая папе-молотобойцу, и торговое дело пошло в гору. В девятнадцать лет Лена купила квартиру в центре города, пару земельных участков, приступила к строительству коттеджа. А потом начались пути тяжкие.

Народный афоризм «от тюрьмы да от сумы не зарекайся» Лена долго понимала наполовину. На ту, которая касалась тюрьмы. Про «суму» дошло, когда почувствовала её смысл на себе самой.

Если в двух словах – лишилась всего. Даже нижнее бельё вынесли из квартиры, той самой на престижной набережной, остались голые стены, потом и стены забрали. Квартиру, бизнес – всё пошло прахом.

– Перед этим ужасом я забеременела, – рассказывает о драматическом периоде жизни Лена. – Муж против ребёнка. Категорически. Я в растерянности. Всё разом навалилось – бандюганы наезжают по кредиту: плати. А с чего? Ещё и беременность. И врачи говорят: вам сейчас рожать нельзя. Ловлю себя на мысли: ненавижу ребёнка, без того плохо, ещё и он. Беременность тяжёлая, меня постоянно тошнит. А решение этой проблемы, вот оно, проще пареной репы. Дурная была. Думаю, если от кредита не отмахнёшься – надо платить, не то голову открутят, а тут всего ничего – сделала аборт и забудь. Плёвое дело. Ни тебе тошноты, ни других забот. Дура, иначе не скажешь!

Лена обзывает себя, вздыхает, вспоминая тот период сво-

ей жизни. И продолжает рассказ:

– Но всё же был какой-то ум. Думаю: ведь это мой ребёнок, мой, почему я его так невзлюбила? Он в чём виноват? С моста прыгать не побежала, а побежала в церковь на Тарскую. Встала посреди храма, прошу: Боже, дай мне любовь к этому ребёнку, помоги, всё вынесу с ним. И приходит состояние лёгкости и уверенности – надо рожать! В храм зашла с сумбуром в голове, вышла с твёрдым решением: буду рожать!

Недавно встретил Лену с сыном, рослый красивый парень, студент. А тогда вышла Лена из храма, идёт по Орджоникидзе, её догоняет муж.

– Лена, – сообщает радостно, – я договорился с врачом, завтра идёшь на операцию.

– Нет-нет, – отмела Лена тему аборта, – никаких операций, у нас будет сын, я его буду рожать!

– Откуда ты знаешь, что сын?

– Уверена!

И родила сына. Невзгоды продолжились. Всё до кучи: предательство друзей, с кем вела бизнес, разрыв с мужем, который со своей стороны добавил подлостей в копилку. Вот когда она отыскала образок «Владимирской». Начала ходить в церковь, исповедоваться, причащаться.

Мужа Лена простила.

– Бог дал любовь к нему, – говорит, – а потом дал силы простить за зло, которое нанёс. Простить – тоже счастье.

Нет, они не сошлись больше, но простила. Претерпела Лена все невзгоды. В один период крыши над головой не было, при монастыре с сыном жила. Батюшки деньгами помогали. Но со временем Лена выкарабкалась из ямы, начала подниматься и созрело решение: надо не только просить помощи у Бога, Богородицы, но и благодарить. И не так – свечку поставил, перекрестился и дальше пошёл с чувством выполненного долга. Сын растёт, пусть с крышей над головой туго, но кредиторы отстали... Всё по молитвам к Богородице. Просила, умоляла, и Она помогала, вразумляла... Пора благодарить. Реально. Хотя бы полы в храме помыть, шторы выстирать, ещё что-то... Не абстрактно, деньги дал и забыл... Что-то надо делать.

Лена, как говорилось выше, не из мечтателей, предающихся сладким грёзам на диване: если бы да кабы во рту выросли грибы, был бы не рот, а целый огород. Принимая решение, тут же бросается его выполнять.

К тому времени Лена стала ездить по святым местам. В тот раз надумала совершить паломничество к чудотворной иконе Божией Матери «Чимеевская». Взяла с собой сына, ему три года было, и племянника...

Приехала на вокзал минут за сорок до поезда, расположились в зале ожидания. И произошло маленькое чудо. В соседнем кресле расположился, значительных размеров дядька – крупная голова, выпирающий живот, обширная лысина. Габаритный экземпляр. Но не этим привлёк Лену. Мужчина,

развернул газету и углубился в неё, шумно дыша.

Лена от нечего делать скосила глаза в газету и выхватила строки о строительстве часовни в честь иконы Божией Матери «Владимирская». В каком месте строится, не успела прочитать, мужчина начал переворачивать страницу, Лена зачистила:

– Не перелистывайте! Не перелистывайте!

Мужчина отпрянул от соседки, как от сумасшедшей. Мало того, беспардонно влезла в его газету, ещё и командует.

– Женщина, я вам что – стенд для газет или библиотека с ногами? – возмутился. – Купите да читайте сколько не лень!

Лена не смутилась от такой реакции, в голове было одно – возводится часовня в честь «Владимирской». Побежала в киоск, купила газету, из которой узнала про Тамбовку, монахиню Евгению, строительство часовни во славу Пресвятой Богородицы.

Лену охватил восторг, который испытывает человек, сделавший открытие. Вот ответ на её вопрос: как благодарить Богородицу. Самое что ни на есть реальное дело – часовню строить! И какую – в почитание «Владимирской». К восторгу тут же примешалась паника: она уедет в Чимеево, без неё всё сделают, гвоздя не успеет заколотить. Часовня не храм, могут в одночасье поставить. Газета пишет: сруб есть...

Лена готова была отложить Чимеево до лучших времён. Была бы одна, так и сделала, посчитала: нехорошо будет, мальчишкам наобещала. Сын, ладно, маленький, а племян-

ник...

В Чимеево перед чудотворной иконой об одном просила: «Матерь Божия, помоги поучаствовать в строительстве часовни в Твою честь!» О здоровье сына просила и о часовне.

Вернулась домой, кого из православных знакомых не спросит, никто не знает Тамбовку и матушку Евгению. Принялась читать акафист Пресвятой Богородицы, и как вразумление: ведь в Никольском Казачьем соборе можно разузнать у священников.

В ближайшее воскресенье пошла на литургию, а в храме монахиня Евгения.

В газете было фото, Лена запомнила, и вот она матушка. Никогда раньше в Никольском не встречала её, а бывала здесь часто. Лена есть Лена, обрадовалась при виде матушки, подлетела:

– Ой, матушка Евгения, меня к вам Богородица прислала часовню строить.

Нетрудно представить реакцию монахини. Посмотрела на заполошную женщину и отошла. Молча. Дескать, человек возбуждён, пусть остынет для начала, придёт в себя.

«Стою, – описывала Лена ситуацию, – думаю: что дальше-то делать? Строительство часовни – это как наказ мне Богородицы, его надо выполнять. Про себя думаю: похоже, палку перегнула со своими эмоциями. Надо спокойнее себя вести, налетела бурей... Смотрю, матушка достаёт просфорницу. Из белой с серебристой нитью ткани, из такой шьют

облачение священников. Смешно вспоминать, тогда не знала термин – просфорница. Меня опять подхватило, принесло к матушке:

– Ой, матушка, у вас такой красивый кисетик! Где вы его взяли?

– Монахини сшили, – ответила матушка.

– А подарите мне! Я давно мечтала о таком!»

Лена не только не разрядила ситуацию – усугубила. Матушка обеспокоенно посмотрела на неё, развернулась и пошла к клиросу.

«У меня мысль, – рассказывала Лена дальше, – надела на матушку, подумает, человек не в себе. И решила исповедаться, а там видно будет. Встала в очередь на исповедь. И не заметила, как матушка подошла ко мне, трогает за руку:

– Возьми, – протягивает просфорницу, – дарю. Ведь меня к тебе Богородица послала. Утром поднялась и почему-то пошла в этот храм, а не в Скорбященский, куда обычно хожу. Теперь понимаю, Богородица привела».

После службы матушка начала рассказывать Лене, что никакой часовни ещё нет.

– Ой, – обрадовалась Лена, – как хорошо! Буду с самого начала строить!

– Лена, чего хорошего! Благодетелей нет, денег нет, кирпича на фундамент нет. Батюшка Сергей помог со срубом, нашлись добрые люди, поспособствовали доставить брёвна, кроме этого ничего пока нет. Только что немного денег, со-

всем мало...

Лена, охваченная восторгом открывающейся перспективы, стала уверять монахиню:

– Матушка, построим, всё сделаем! Все будет хорошо! Для Богородицы ведь делаем! Она к вам на помощь спустилась с неба, значит и сейчас поможет!

– Дай-то Бог, Лена.

Встреча с незнакомкой

В то утро Катя Деревянченко решила сбежать в Новопокровку, проведать родителей. Больше года не удавалось вырваться из Омска домой. Работали в швейной мастерской по законам военного времени – почти без выходных. Но и в Тамбовке был тот же график – от зари до зари. Совхоз специализировался на крупном рогатом скоте, горожан – женщин и девушек – определили на ферму. «Всё для фронта – всё для победы!» – писали газеты, так было и на самом деле. Работа на ферме для Кати, выросшей в деревне, была привычной: доила коров, кормила бычков, не составляло труда при надобности запрячь лошадь в телегу и съездить за кормами. Небольшая ростом, даже маленькая, но крепко сбитая, ловко обращалась она с вилами и лопатой. Бригадир ценил безотказного и умелого работника, когда Катя подошла с просьбой отпустить на один день домой в Новопокровку, дал ей выходной.

– Я отработаю! – горячо заверила Катя.

– Куда ж ты денешься. Беги-беги повидай отца с матерью! Прямо сейчас пойдёшь?

– Нет, утром, как рассветает.

Они работали в Тамбовке вторую неделю, и всё это время Катя искала момент, как бы сходить домой. Путь неблизкий. Если идти через Преображеновку по накатанной доро-

ге – шестнадцать километров. По просёлку, минуя Преображенку, – двенадцать. Второй вариант осложнялся тем, что весной и в сырое лето на просёлке встречались болотистые, труднопроходимые участки, нынешний август дождливым не назовёшь, не должно быть воды. Можно срезать путь, махнуть через гриву. Пусть идти по лесу, без тропы, зато точно посуху, и дорога километра на полтора-два короче.

Она проснулась перед рассветом. Умыла лицо под чугунным рукомойником, в нетерпении стуча соском, – скорей-скорей бежать. Хотелось быстрее выйти на дорогу, вдруг бригадир передумает. На душе было светло – сегодня увидит маму, папу, выпится на своей кровати. В Тамбовке жили в бараке, спали на полу. Оно бы и ладно, и на полу можно выспаться, кабы не блохи – житья не давали. Барак сырой, низкий, строился без ума, пол близко к земле. Условия лучше не надо для земляных блох. Они жадно набросились на горожан. Кто-то посоветовал полынью гнать их. Женщины щедро нарвали травы, набросали в углах, под стенами, на пол в надежде – уйдут или хотя бы попрячутся. Нет, на тамбовских блох полынь тамбовская не действовала, только злее становились. А днём – мухи. Рядом со скотом их водилось предостаточно. Под осень надоедливые, кусучие. Когда садились за стол, они лезли в рот, садились на творог, который давали им каждый день. Кормили плохо. Триста граммов хлеба на день, обязательный творог, который быстро надоел. Супчик какой-никакой.

Любила Катя Новопокровку. Отец с матерью, бывало, начинали хвалить, как тот кулик болото, родные края. Отец, Тихон Максимович, был из Воронежской губернии, вместе с родителями в кругу переселенцев попал в Сибирь. Мать, Евфимия Захаровна, приехала со своими родителями из Курской губернии. Подростками покинули родину, и не забыли её. Для Кати краше Новопокровки не было места на земле. Леса, покосные луга и озеро Курема за огородами. Вечером ляжет на него закатный свет и горит вода золотом. Вот только купаться Катя не любила. Однажды нахлебалась, и с той поры боялась воды. В озере была рыба, не сказать, что много, но ловилась.

А какие березняки вокруг Новопокровки. Девчонками по весне ходили в них за цветами. Охапками приносили домой. Перед Троицей берёзовых веток наломают, цветов нарвут – домой и в церковь. Троицу она любила. Всё зелено, всё цветёт, в праздник утром проснёшься, в доме берёзовый дух, в окна заглядывает солнце. Троица всегда вспоминалась буйством зелени – сочная трава, сочная листва, и обязательно солнце! Отец рано уходил в церковь, помогал батюшке, отцу Василию, они с мамой шли позже. Ещё любила праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Мало того, сама родилась на Покров, это одно, другое – Новопокровка, как ни в какой другой день преображалась, был съезжий праздник. Церковь у них освятили в честь святого Антипа, престольный праздник одиннадцатого апреля, но съезжий установил-

ся ещё до её постройки... На Покров село наполнялось гостями. В каждом доме родственники, кумовья, друзья. Приезжали из Тамбовки, Преображенки, Аксёново, Коммуны, Михайловки, Николаевки.

Праздник начинался с обедни, это пока храм не закрыли. Церковь всех вместить не могла, двор тоже был полон нарядного люда. Начищенные сапоги мужиков и парней, яркие платки у женщин и девушек. Двери церкви нараспашку, оттуда долетают возгласы батюшки. Кто-то во дворе следит за службой, крестится в нужном месте, кто-то далёк от происходящего в храме. Парни разглядывают девушек, и те бросают любопытные взгляды на незнакомцев из других деревень. Вроде невзначай она посмотрела, а вот уже и второй-третий раз стрельнула глазами в ту же сторону. Когда наступал в службе момент земного поклона, священник выносил Святую Чашу, храм вставал на колени, весь церковный двор присоединялся. За этим строго следили старики. После обедни все шли Крестным ходом по селу. С иконами, хоругвями, молитвой...

В войну Новопокровка изменилась, осиротела, парни и мужчины ушли на фронт. Это сразу бросалось в глаза в каждый приезд из Омска. В каждом дворе только женщины, подростки да старики...

Она миновала последний дом Тамбовки, быстро пошла по тропинке, бегущей по широкому лугу, который простирался едва не до самой гривы. Дорогу она знала, не один раз ходила

по ней с мамой и отцом в Тамбовку. Шла Катя быстро, вот и показалась впереди грива. Луг, упирающийся в лесок, а за ним вытянутый поросший густым березняком холм – грива. Оставалось метров двести до леска, когда Катя невольно подняла голову к небу и обомлела. К земле летел человек. Руки скрещены на груди, голова опущена, будто глазами подыскивал удобное место для приземления. Солнце ещё не взошло, лишь посветлел восток, но ясно было видно, как бесшумно опускался человек на лесок в конце луга. Катя видела в Омске парашютистов. Сердце всякий раз замирало, сжималось в тревоге, когда очередной смельчак выпадал из самолёта и камнем летел к земле, но вдруг раскрывался белый купол над головой, падение резко замедлялось... Катя хлопала в ладоши – всё хорошо... И вот человек летит к земле, словно над ним невидимый парашют...

Катя остановилась как вкопанная. Что это? Всё было как и минуту назад – тишина до звона в ушах, в небе редкие облачка, звука самолёта, из которого мог выпрыгнуть парашютист без парашюта, не слышно...

Человек опустился на лес, скрылся из виду. Всё произошло почти мгновенно.

«Цыгане колдуют!» – обожгло испугом. О цыганах не раз слышала в детстве: колдуют, воруют детей, обманывают. Взрослые предупреждали, нельзя с ними заговаривать, напустят на тебя колдовства, после что хотят, то сделают с тобой. А если у тебя есть деньги, обязательно выманят. Сам и

отдашь, а потом будешь сокрушаться, как это получилось.

Катя перекрестилась: «Господи, спаси и помоги». Мама ей и маленькой и позже часто говорила, какая опасность, читай первым делом: «Господи, спаси и помоги». Коротенькая, всегда успеешь, призвать Господа на помощь.

Не прошёл первый испуг, как из леса вышла женщина и быстрым шагом направилась в её сторону.

«Цыганка», – ухнуло Катино сердце.

На женщине серая широкая юбка – до земли, серая жакетка с множеством пуговиц – рукав длинный, на голове чёрный платочек. В таких нарядах давно не ходили. Деревенские женщины носили длинные юбки, но не до самого пола. Женщина была босой.

«Цыганка заметила меня, – промелькнуло в голове у Кати, – и хочет поймать».

Подходя женщина сказала:

– А я пошла гривой, а там волки. Ты через гриву не вздумай идти – волки там.

Что сразу отметила Катя, говорила незнакомка на чистом русском языке, без цыганских интонаций, и в лице ничего цыганского. Красивое молодое лицо, а голос спокойный, ровный, как ручеёк журчит... В Омске не один раз видела цыган на Казачьем рынке, чаще цыганок с детьми. Шумные, громкие, навязчивые... Завидев их, даже одну цыганку, шептала: «Господи, помоги». И старалась быстрее уйти подальше, избегая приставаний, медовым голосом выпевае-

мых призывов: «Красавица, давай погадаю на счастье». По натуре Катя не из пугливых, среди подружек слыла смелой. В девчонках ничего не стоило в поздние сумерки первой войти в пугающе тёмный заброшенный сарай. Подружки жались друг к другу в нерешительности, она смело шла вперёд. И в девушках была не робкого десятка. Парни побаивались, спуску никому не давала.

– Что испугалась? – с доброй улыбкой спросила женщина.

– Да нет! – с вызовом, скрывая за ним смущение, ответила Катя и увидела, как улыбка сошла с лица незнакомки. Не понравился ей ответ.

Кате сделалось стыдно за свою неискренность. Заглаживая неловкость, сказала:

– Я пойду, мне быстрее надо! – и спросила: – Вы куда идёте?

– Пошли, – сказала женщина, оставив Катин вопрос без ответа, и зашагала рядом. – Через гриву не ходи, там волки.

Катя произнесла:

– А мой папа говорит, волк никогда не нападёт на человека, не тронет без разрешения с Неба.

Катя не решилась сказать «без благословения с Неба». «Благословение» – из словаря верующего человека, кто его знает, как незнакомка относится к вере.

– Может, вам на гриве попалась собака? – предположила Катя. – Бывает, собака такой масти, сходу не отличишь. У нас в деревне есть такая, её и зовут Волк. Только у настоящего

волка шея не поворачивается. В этом отличие, голову вместе с туловищем поворачивает.

– Волк на гриве не один, – сказала попутчица и повторила своё предупреждение, – через гриву не ходи.

Повинуясь незнакомке, Катя пошла по тропе, что вела в обход гриве. Женщина, несмотря на босые ноги, ступала уверенно и легко. Катя быстро приноровилась к её шагу. Стоит сказать, что там на дороге, по которой они двигались ходко и слаженно, у Кати не вызовет удивления факт, не заострит на нём внимание: ноги попутчицы не походили на ноги человека, постоянно ходящего по земле босиком. Много позже Катя вспомнит ступни незнакомки, которые при каждом шаге выныривали из края длинной юбки. Катя сама всё детство сверкала летом голыми пятками, это было обычным делом, кожа грубела, темнела, и пемзой не ототрёшь... У незнакомки ступни были красивыми...

Большую часть пути шли молча, это не тяготило Катю. Хотя брало любопытно – откуда женщина? В лицо знала многих жителей округи: знала по церковному приходу, вбиравшему в себя несколько деревень, знала по съезжему празднику Новопокровки, доведись хоть раз увидеть такую женщину, обязательно запомнила. В последние годы в деревнях появилось немало тех, кто бежал от войны. Наверное, незнакомка из них. На их пути было три деревни – Коммуна, Преображеновка и Новопокровка.

– А вы откуда идёте, – поинтересовалась Катя, – и куда?

– В Коммуну, – сказала женщина, оставив без ответа первую часть вопроса.

Настаивать Катя постеснялась. Посчитает нужным – сама скажет. В Коммуне женщина, навряд ли, жила, если только недавно приехала. В Коммуну Катя не один раз ходила с отцом и матерью, бывало, и с подружками. Там жили родственники по отцу. Колхозное хозяйство под названием «Коммуна “Колос”» находилось у озера Рыбалово. От дороги, по которой они двигались, был свёрток на Преображеновку, от него ты сначала попадал в Коммуну, а за ней шла Преображеновка.

Близость странной, несовременно одетой, с красивым лицом спутницы смущала, оставляла в душе волнение, но в один момент Катя вдруг преодолела робость, начала откровенно делиться с незнакомкой своими невзгодами, рассказывать о жизни в Тамбовке, работе на ферме. Стала жаловаться, как близкому человеку, что работа тяжелая, кормят плохо. Они надеялись, отправляясь из Омска, что в деревне подкормятся, но хлеба дают триста граммов, да творог с мухами. Спят в бараке на полу, и всю ночь кусают блохи. Их полным-полно. И полынь бросают на пол – всё равно не дают всю ночь покоя. А идёт она в Новопокровку, там у неё мама и папа.

Около шести километров, Катя потом посчитает, они шли вместе. Подходя к свёртку на Преображеновку, женщина скажет:

– А мне сегодня надо вернуться.

Катя осмелела, волнение и робость отпустили. Радуюсь, что остаётся одна, крикнула в спину уходящей попутчицы:

– Обратно из Коммуны пойдёте, не ходите гривой, не надо! Идите этой дорогой, она уже проверена.

– Что? – обернулась незнакомка.

Екатерина повторила свои слова, добавив:

– И вечером не ходите, лучше по свету или даже утром. Я завтра утром пойду, как только рассветает, так и побегу, обещала бригадиру быть вовремя...

Спутница лишь улыбнулась в ответ и пошла дальше.

У Кати само собой получилось – подняла руку и перекрестила женщину, так делала мама, провожая её. Попутчица будто почувствовала позади себя нарисованный рукой Кати крест, остановилась, повернула голову, и снова лицо её озарила улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.